

63.5(2)612
Б934 кр

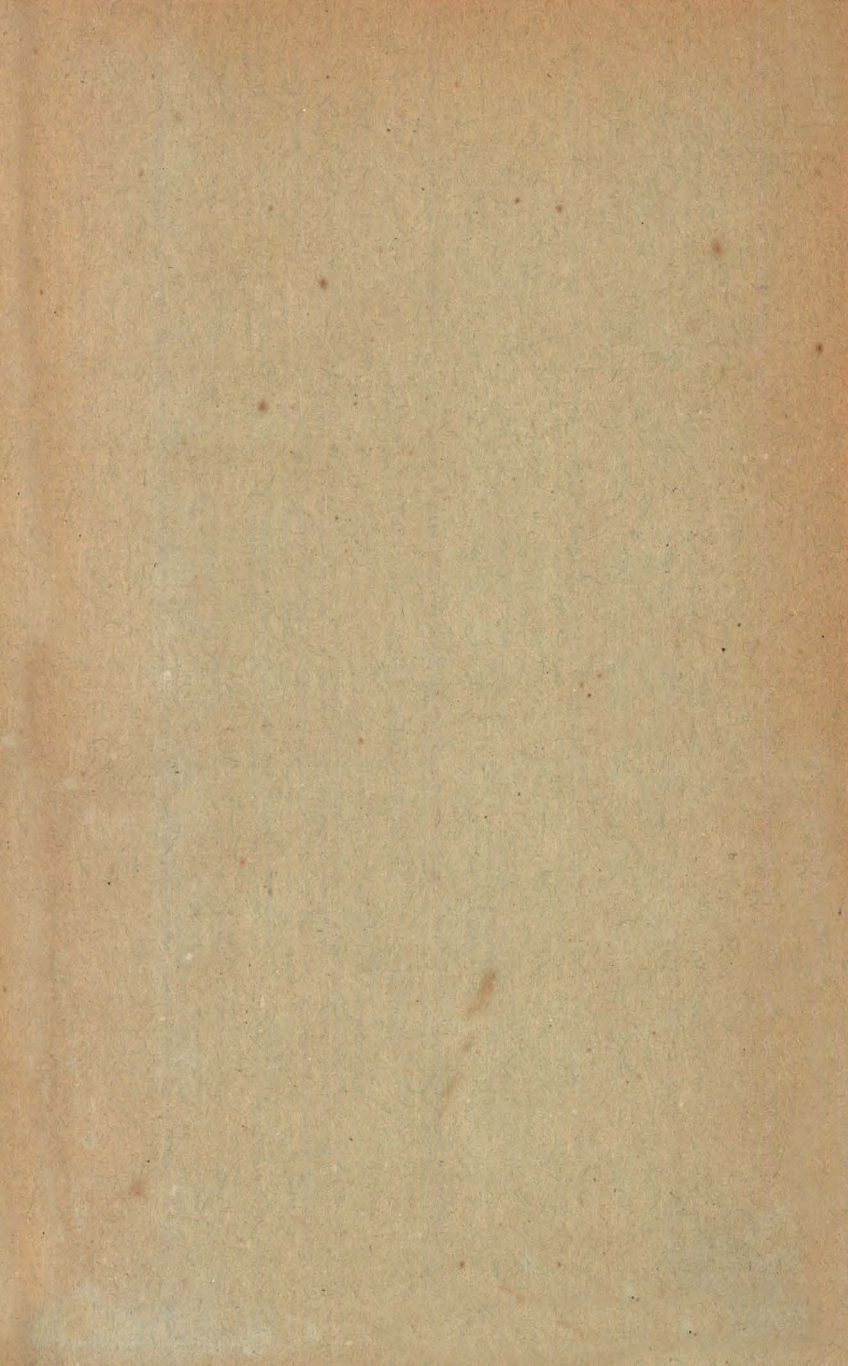
А. Буторин

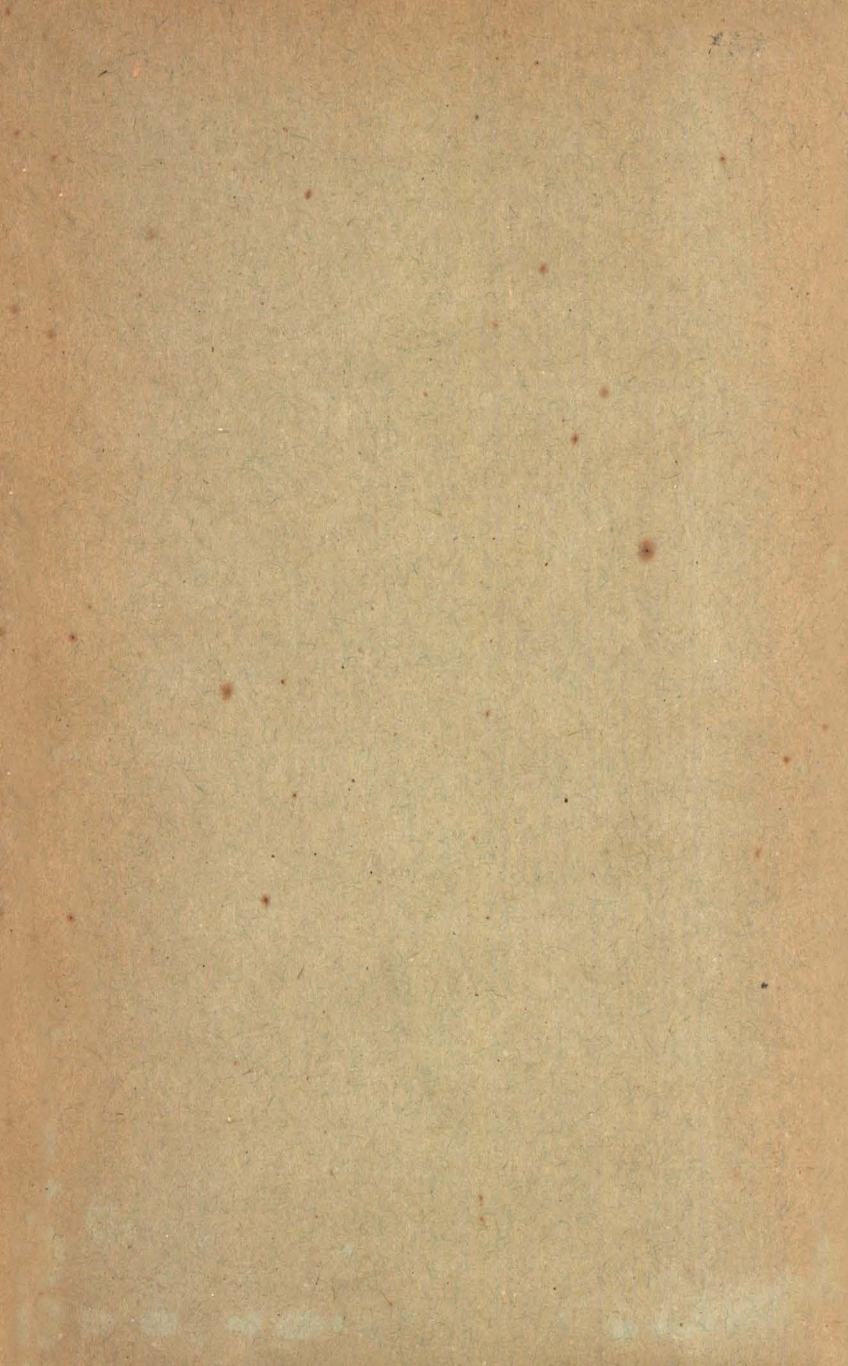

Шиманское
восстание

Барнаул · 1960г.

465014

А. БУТОРИН

ЗИМИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Исторический очерк

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1960

Одним из ярких эпизодов борьбы трудящихся за установление Советской власти на Алтае является восстание в селе Зимино (ныне Топчихинского района) в августе 1919 года. Подготовила это восстание существовавшая в селе подпольная большевистская организация.

О подготовке Зиминского восстания, его ходе и значении, о его руководителях и участниках рассказывает А. Буторин в настоящей брошюре.

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда.»

(В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 292)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шел тяжелый 1918 год.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и упрочение Советской власти вызвали страх в лагере международного империализма и в рядах свергнутых классов России. В роли организаторов и вдохновителей вооруженной борьбы против молодой Советской республики, опасаясь, «как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши»*, выступили империалисты США, Англии и Японии. Они располагали всем тем, чего не хватало у внутренней контрреволюции, — оружием и деньгами. Объединившись в первой половине 1918 года, две силы — внешняя и внутренняя контрреволюция — начали «крестовый поход» против Советов.

На Алтае Советская власть была свергнута. Победа контрреволюции и установление власти Временного Сибирского правительства повлекли за собой реставрацию буржуазных порядков. Все декреты Советской власти были отменены.

Сибирские большевики понесли тяжелые потери. Но перейдя в глубокое подполье, перестроив свои ряды, они немедленно начали подготовку к вооруженному восстанию. Появились — правда, немногочисленные — партизанские отряды.

Огромное мобилизующее влияние на трудящихся Алтая оказал героический поход объединенного отряда Петра Сухова, который, дезорганизуя тыл белогвардейцев, отвлек с Восточного фронта большие силы противника.

* В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 467.

Не менее значительным было организованное большевиками восстание славгородских крестьян, которое разрослось с невероятной быстротой, охватывая соседние волости. Но крестьяне были почти безоружны, и их выступление было жестоко подавлено и залито кровью карательными отрядами атамана Анненкова.

Империалисты, пытаясь упрочить власть белогвардейцев и продолжать борьбу с Советами, посылали в Сибирь войска, усиливали снабжение контрреволюции деньгами, оружием, обмундированием. Они решили заменить неспособное и слишком «либеральное правительство», каким, по их мнению, являлась директория, другим, более «инициативным» правительством, т. е. открытой военной диктатурой. На пост военного диктатора был выдвинут адмирал Колчак, который в ноябре 1918 года объявил себя «верховным правителем» России. Открыто-монархические взгляды и люта я ненависть к Советам — вот что привлекло к Колчаку внимание империалистов США, Англии, Франции и Японии, которые и явились политическими вдохновителями, непосредственными опекунами колчаковской диктатуры. Именно они взяли на себя материальное военное обеспечение колчаковщины. Достаточно сказать, что только из Америки поступило около 600 тысяч винтовок, до тысячи пулеметов и много другого военного снаряжения.

Об американской помощи с восторгом писала меньшевистско-эсеровская газета «Думы Алтая». В номере от 25 октября 1918 года в ней сообщалось, что «27-й пехотный полк Соединенных Штатов удостоился первым... высадиться в Сибири».*

Военная интервенция империалистических государств и внутренняя контрреволюция поставили молодую Советскую республику в исключительно тяжелое положение. Рабочие и крестьяне, испытав на собственном опыте тяжесть колчаковской диктатуры, поняли, что «середины нет. Нет иного выбора: либо власть рабочих и крестьян — власть Советов, либо власть капиталистов и помещиков».** Поэтому всеобщее недовольство трудящихся ре-

* «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», Алтайское книжное издательство, Барнаул, 1957, стр. 226.

** В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 5.

жимом Колчака и засилием интервентов вылилось в открытую вооруженную борьбу против угнетателей.

Большевики Алтая, находясь в глубоком подполье, руководствуясь решениями Всесибирских партийных конференций, а также указаниями ЦК РКП (б), развернули революционно-пропагандистскую работу среди трудящихся масс по раскрытию классовой сущности колчаковской диктатуры, по организации вооруженной борьбы.

Центральный Комитет большевистской партии считал, что основной формой борьбы трудящихся на территории, занятой Колчаком и интервентами, должно явиться партизанское движение.

Для руководства борьбой трудящихся Сибири Центральный Комитет уже в январе 1919 года создал Урало-Сибирское бюро во главе с Ф. И. Голощекиным. В его состав от сибирских подпольных организаций были введены Масленников, Робинович, Нейбут.

ЦК поставил перед Урало-Сибирским бюро следующие задачи:

1. Устанавливать и поддерживать постоянную связь с сибирским большевистским подпольем, получать информации о положении дел в Сибири и передавать директивы ЦК РКП (б).

2. Руководить борьбой трудящихся масс Сибири (вооруженными восстаниями и партизанским движением). Организовать революционную агитацию на территории Сибири.

3. Вести разведывательную работу в тылу противника, дезорганизовать его тыл путем разрушения железных дорог, складов и т. д.

Вскоре бюро доложило Центральному Комитету о состоянии подпольной работы, о том, что недовольство широких масс рабочих и крестьян против Колчака «выливается в вооруженные восстания... почва для восстаний богатая»*.

К весне 1919 года Сибирь представляла собой огромное поле деятельности подпольных большевистских организаций. Благодаря их работе Алтай явился одним из районов наиболее массового партизанского движения. Здесь, в свою очередь, можно выделить пять основных

* «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», стр. 228.

организующих центров движения: Зиминский, Славгородский, Каменский, Ново-Николаевский и горные районы.

Среди них особую роль сыграл Зиминский центр.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Установив режим репрессий и террора, колчаковское правительство повело наступление на экономические завоевания трудящихся Алтая. Необычайно увеличился налоговый гнет, который приводил к полному разорению крестьянства. На пользу «возрождения России» колчаковская военная диктатура выколачивала разного рода «пожертвования», накладывала контрибуции — не только денежные, но и продовольственные. «Взыскиваются недоимки за 1915—1918 годы, — сообщало Сибирское бюро ЦК РКП (б), — взыскание налогов сопровождается поркой, арестами и даже расстрелами.»*

На экономическом положении народа тяжело отражалось и то, что колчаковская агентура — спекулянты, представители разного рода коопераций — разъезжали по селам и обманом скупали оставшийся и еще не отобранный у крестьян хлеб, оплачивая его колчаковскими деньгами. В то же время цены на товары широкого потребления спекулянтами были предельно взвинчены, так что на деньги, вырученные за целый воз хлеба, почти ничего нельзя было купить.

Таким образом, крестьяне на собственном опыте убеждались, к чему приводит политика колчаковского правительства. В этой тяжелой и сложной обстановке крестьянством все сильнее и сильнее овладевали освободительные идеи.

Обездоленные и доведенные до отчаяния, рабочие и крестьяне нередко стали оказывать военное сопротивление колчаковским властям. И уже в начале 1919 года Сибирское бюро ЦК РКП (б) отмечало, что «восстания, подавленные в одном месте, вспыхивают в других местах».

Для поддержания установленного Колчаком порядка, для подавления вооруженных восстаний и выколачивания налогов с крестьян были снаряжены специальные ка-

* «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», стр. 228.

рательные отряды, отличающиеся особой жестокостью и состоящие из кулацких сынков и подонков городской буржуазии, ибо колчаковские милиционеры на местах одни уже не справлялись со своими обязанностями.

Первыми жертвами карательных отрядов были села, расположенные вблизи железнодорожных магистралей Барнаул—Семипалатинск и Барнаул—Бийск.

С осени 1918 года в районе села Зимино свирепствовал карательный отряд прапорщика Абрамова. За короткий период в Зимино, Чистюньке и Усть-Алейске он награбил и отправил в Барнаул в порядке «пожертвования» около сотни подвод разного крестьянского имущества. Здесь было все: шубы, валенки, масло, хлеб, птица. У крестьян реквизировались скот и лошади. В случае отказа крестьян платить контрибуцию начальник отряда собирал сходы, на которых объявлял: «Если в течение 2-х часов контрибуция не будет внесена и не будет составлен приговор о подчинении правительству, то неаккуратные плательщики будут расстреляны, а имущество их сожжено»*.

Те, кто первыми отказались от уплаты контрибуции, лишились своих домов, своего крова. Абрамовские палачи, не считаясь с тем, что в семьях есть дети, старики и старухи, сожгли в трех селах 61 дом. За явное неподчинение власти «верховного правителя», или, как его окрестили зиминские крестьяне, «верховного грабителя», Абрамов лично расстрелял в Зимино 35 человек, в том числе женщин, детей, стариков.

Накопившаяся ненависть к Колчаку и его порядкам переполнила всякую меру терпения.

— Где найти выход? — говорили зиминские крестьяне. — Как жить дальше?

Ответ на все эти вопросы дали большевики-подпольщики, жившие в Зимино. Это прежде всего питерский рабочий-металлист, член партии с 1908 года Гавриил Семенович Ивкин. Потомственный революционер, прошедший пролетарскую закалку в двух революциях в Петербурге, Гавриил Семенович в тяжелое время разрухи и голода вместе с другими большевиками отправился в 1918 году в Сибирь для организации первых коммун. Питерские рабочие, в их числе Г. С. Ивкин, объединившись в

* «Повстанческое движение на Алтае», Новосибирск, 1935, стр. 35.

Г. С. Ивкин

коммуны «Наш путь», организовано прибыли в с. Локоть Змеиногорского уезда.

С первых же дней коллектив коммуны развернул энергичную работу, показывая местным крестьянам преимущества общественного ведения сельского хозяйства. Но не долго довелось им работать в условиях только что установившейся Советской власти. Контрреволюционный переворот в мае—июне 1918 года нарушил мирную деятельность коммунаров и не дал собрать им первого урожая.

С приходом белогвардейцев начались массовые аресты. Мно-

гих коммунистов, в том числе Ивкина, под большим конвоем отправили на станцию Аул, потом в Рубцовку, а оттуда — в семипалатинскую тюрьму, откуда, однако, вскоре Ивкин был выпущен. «Следователь, молодой эсер, не располагая обвинительными данными, — пишет в своих воспоминаниях Гавриил Семенович, — освободил меня, как и некоторых других, из тюрьмы, предупредив все же, чтоб мы покинули Локоть, где была коммуна, и убралась куда-нибудь подальше.»* Укрываясь от преследований, Ивкин со своими товарищами приехал на место жительства к своему брату в с. Зимино.

Всеобщее недовольство колчаковским режимом, тяготы которого испытывало население, создавало благоприятную почву для агитации среди зиминских крестьян за открытую вооруженную борьбу. В ноябре 1918 года

* Воспоминания Г. С. Ивкина хранятся в партархиве Алтайского КК КПСС.

питерские коммунисты в Зимино оформились организационно, создав подпольную партийную ячейку во главе с Г. С. Ивкиным. В нее входили: Г. Г. Конкорин, А. В. Кольцов, Нефедов, В. Е. Кузьмин, Р. П. Захаров, К. Н. Брусенцев и М. А. Розинкин. Зиминская ячейка впоследствии вошла составной частью в партийную организацию Алтая. Ее первой и неотложной задачей было собирание воедино партийных сил, то есть создание ячеек в других селах с тем, чтобы через них привлечь на свою сторону враждебно настроенных по отношению к колчаковскому режиму крестьян. Нужно было во что бы то ни стало наладить связь с Барнаульским комитетом РКП(б). Это было поручено сделать В. Е. Кузьмину.

Началась оживленная работа.

Г. Г. Конкорин, В. Е. Кузьмин и Р. П. Захаров занялись организацией подпольных ячеек в селениях, расположенных по Оби между Барнаулом и Бийском. Все они успешно справились с заданием. Г. Г. Конкорин, устроившись слесарем на Усть-Пристанском литейно-механическом заводе «Сила», вел агитацию среди рабочих, а через них сумел организовать подпольную работу в селениях около Усть-Пристани. В целом ряде сел приборовой полосы Барнаульского уезда были созданы ячейки Р. П. Захаровым и В. Е. Кузьминым. В волостном селе Калманке, где проживало особенно много реакционно настроенных элементов, сколотил крепкую подпольную большевистскую ячейку опытный революционер, имевший 12 лет сибирской ссылки, член Коммунистической партии с 1903 года Иван Леонтьевич Мавринский.

Таким образом, влияние Зиминской партийной организации распространилось на значительной территории.

Тем временем Г. С. Ивкин и К. Н. Брусенцев организовали ячейки в соседних от Зимино селах: Колпаково, Безголосово, Панюшево, Брусенцево и других.

За счет местных беззаветно преданных большевизму крестьян увеличилась и партийная ячейка в самом Зимино. В нее вступили В. К. Жогов, И. К. Хохлов с сыновьями, И. И. Ефремов, И. И. Царев и другие.

Зиминские коммунисты встали перед необходимостью создания организационного бюро до созыва районного съезда представителей всех подпольных ячеек. В состав бюро введены Г. С. Ивкин, В. Е. Кузьмин, В. К. Жогов, И. И. Царев, В. Я. Белов. Возглавил его Г. С. Ивкин.

В скором времени В. Е. Кузьмин сумел наладить связь с Барнаульским подпольным комитетом большевиков через члена Алтайского военно-революционного штаба А. П. Елькина, известного по партийной кличке «Ключик».

Укрепившись организационно, большевики вплотную приступили к агитационно-политической, разъяснительной работе, охватывая своим влиянием на первых порах сторонников и сочувствующих Советской власти крестьян. Особая осторожность требовалась в тех селах, которые располагались около городов. За короткий промежуток времени деревенские партийные ячейки сумели привлечь на свою сторону все беднейшее крестьянство. Коммунисты нелегально проводили с ним собрания, где выступали с докладами. Немало таких собраний провел Г. С. Ивкин, доклады которого крестьяне выслушивали особенно внимательно, стараясь не упустить ни единого слова, сказанного докладчиком, задавали самые жизненные, подчас острые вопросы и получали на них всегда ясные и четкие ответы.

Такие собрания нередко продолжались по 8—10 часов. Они не проходили бесследно, обычно заканчивались избранием боевых пятерок. Объезжая поселки и деревни, члены подпольных партийных ячеек прощупывали настроение масс, брали на учет преданных партии и Советской власти людей, которые могли стать организаторами борьбы с Колчаком.

Первоначальные успехи зиминцев были обсуждены на первом районном собрании в декабре 1918 года. На собрание прибыли представители многих сел и деревень. Были заслушаны доклады с мест о том, как налаживается работа по привлечению в ячейки, как относятся к большевикам на местах. После обсуждения всех вопросов был утвержден план дальнейшей работы.

Несмотря на всю осторожность в проводимой коммунистами агитации, начальникам карательных отрядов и колчаковской милиции все же стали поступать сведения о работе большевиков. Сельским старостам был направлен приказ: «Ввиду имеющихся сведений об организации большевиками в некоторых местностях хождения, предписываем немедленно установить по деревням наблюдения за деятельностью большевиков». А у начальника карательного отряда Власова крестьяне из села Расска-

зихи нашли документ, в котором говорилось: «Большевистские гнезда жечь, большевиков расстреливать, сочувствующих пороть и — в тюрьму».

Донесения колчаковцам поступали от кулацкой верхушки и разного рода прислужников, вроде служителей церкви, которые заботливо готовили для карателей и милиционеров списки большевиков, куда включались вообще непокорные крестьяне. В селе Фунтики (в пяти километрах от Топчихи) священник Данилов по приходе карательного отряда Абрамова подал списки на неугодных ему крестьян, сочувствующих большевизму. Без судебного разбирательства офицер собрал их на улице и на глазах у всех расстрелял.

Звериные повадки колчаковцев особенно усиливались, когда они терпели неудачи на Восточном фронте. В ходе войны добровольческие части Колчака под ударами Красной Армии стали постепенно убывать. А наиболее сознательные солдаты самовольно покидали колчаковский фронт, переходили на сторону Красной Армии или разъезжались по домам. Дезертирство в ряде мест приняло массовый характер, ибо солдаты все больше стали понимать, что Колчак несет «восстановление порядков хуже, чем царские, восстановление *рабства* рабочих и крестьян, порки, грабежа, надругательства офицеров и дворянчиков»*.

Все это вынудило Колчака искать пополнений в живой силе. С этой целью на Алтае, как и по всей Сибири, была объявлена мобилизация молодежи 1900—1901 годов рождения, еще не успевшей по-настоящему осознать революционных событий. Это была, по выражению В. И. Ленина, его последняя ставка, последний ресурс. В то же время Колчак опасался набора в армию фронтовиков, которые хорошо понимали, в кого надо стрелять и как кончать войну. В армии заставляли служить «мальчиков».

Объявленная мобилизация в колчаковскую армию вызвала у крестьян еще большее озлобление. На своих сходах они выносили одно постановление — не отдавать сыновей.

Офицерская плеть вновь с особой силой загуляла по спинам непокорных.

* В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 406.

Зиминские большевики в связи с проводимой Колчаком мобилизацией развернули широкую агитацию среди новобранцев, в результате которой определенная часть крестьянской молодежи уклонялась от военной службы, другая же, прочувствовав на себе все тяготы службы, при первом удобном случае дезертировала.

В начале 1919 года вместе с другими новобранцами из Большой Речки был взят в колчаковскую армию Павел Чаузов, но, не прослужив и двух недель, дезертировал, так как, по его словам, «понял, чем пахнет колчаковщина и чем занимается». За собой Павел привел еще 5 человек — Петра Солонкина, Никиту Корсекина, Якова Ковачева, Ивана Волокитина и Анисима Чуманова. Возвратившись в родное село, они жили скрытно. Правительство, применяя суровые меры наказания к дезертирам, каждого обнаруженного в селе предавало военно-полевому суду; помимо этого, на родителей накладывались крупные денежные штрафы. Это вынуждало дезертиров временами скрываться в лесу, приспособив для жилья полуразвалившуюся избышку лесного сторожа.

Собравшись однажды поздним вечером, они завели разговор о себе, о своих близких. У каждого в селе остались родители, у некоторых — дети. Рассказал о своей жизни и Павел Чаузов, признанный вожак группы.

Отец его, Кузьма Трофимович, рабочий ижевского завода, в 1905 году участвовал в революционных событиях. Спасаясь от преследований, уехал с семьей на Алтай, сначала в Легостаево, а затем — в Большую Речку. Павел родился в Вятской губернии, в селе Пышкино, в 1897 году. В шестнадцатом году восемнадцатилетним юношей его забрали в армию и отправили на фронт. Там он отличился, что было замечено начальством. После революции, как и большинство солдат, Чаузов вернулся домой. «Обрадовался, думаю — новая жизнь начинается. Но не дают нам жить по-хорошему, — вздохнул Павел, — Колчак объявился. Да разве я пойду к нему на службу, если он залил крестьянской и рабочей кровью всю Сибирь, отнял счастье у народа!»

— Вот что я думаю, — решительно закончил Чаузов, — надо добывать оружие и начинать бороться против беляков. Так жить больше нельзя.

Неожиданно дверь избышки отворилась. Наклонившись, в нее осторожно вошел В. Е. Кузьмин.

— Кузя! — Вскочив с места, Чаузов обнял Василия Егоровича. — Ты как сюда пробрался?

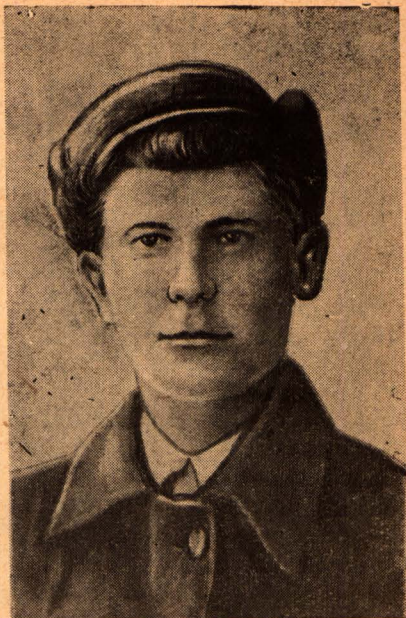
— С отцом твоим прошлую ночь кумекали. И вот, как видишь, договорились, я здесь, — отвечал Кузьмин.

Усевшись в кругу товарищей Кузьмин повел беседу.

— Чтобы восстановить рабоче-крестьянскую власть, надо бороться, и бороться с оружием в руках, без него мы в настоящее время бессильны. Одними возмущениями и проклятиями нельзя добиться победы. Но где взять оружие? Из Барнаула «Колючий» мне сообщил, что в Бобровке колчаковские милиционеры обменивают патроны на самогон. А в Бийске есть возможность обменять коней на винтовки. Так постепенно за зиму надо вооружиться, привлечь к себе как можно больше дезертиров, скрывающихся в других селах, сколотить крепкий партизанский отряд, а затем открыто выступить — такова теперь задача всех большевиков Сибири.

Слова В. Е. Кузьмина были одобрены. Шесть человек выделили на поиски оружия. За короткий период было добыто 5 винтовок, 5 наганов и до десятка гранат. Неожиданные, подчас дерзкие вылазки небольшого, но бесстрашного отряда Чаузова уже зимой 1919 года привлекли внимание колчаковской милиции. Каратели установили строжайшую слежку за командиром отряда. Несколько раз арестовывали его семью, пороли мать, отца, жену. Но неуловим был Чаузов. Его отряд с каждым днем рос.

Отрядов, подобных чаузовскому, разбросанных по об-

П. К. Чаузов

ширной территории Сибири, были сотни. Именно в них сибирские большевики-подпольщики видели огромные созревающие для будущей борьбы силы. Не случайно поэтому колчаковская печать уже зимой требовала от правительства немедленной, самой жестокой расправы с партизанскими отрядами до наступления весны.

«Пройдет 2—3 месяца, — писала Томская белогвардейская газета, — и борьба может стать невозможной. Теперь, зимой, они волей-неволей должны искать себе убежище... Что же будет с наступлением весны, когда... под каждым кустом будет стол и дом? Более благоприятной обстановки, чем наша Сибирь, трудно что-либо придумать.

Примкнут все недовольные, — а их много, — взбунтуется деревня, и борьба с ними окажется очень тяжелой. Самые энергичные и широкие мероприятия необходимы сейчас же, чтобы потом не услышать о сибирских Емельках Пугачевых и Степанах Разиных.»*

Но начавшееся движение невозможно было подавить даже самыми зверскими методами карательной политики Колчака.

Между тем к весне 1919 года количество дезертиров из колчаковской армии возросло. В начале марта только в Зимино группами и поодиночке их прибыло до двух десятков, в большинстве своем они твердо встали на сторону пролетарской революции и осторожно искали подпольную большевистскую организацию.

Среди них был Федор Иванович Архипов, дезертировавший в чине прапорщика. Грамотный, имеющий специальность учителя, он быстро устроился на работу в школу. Вечерами зимой под видом обучения взрослого неграмотного населения Архипов вел среди крестьян беседы на политические темы.

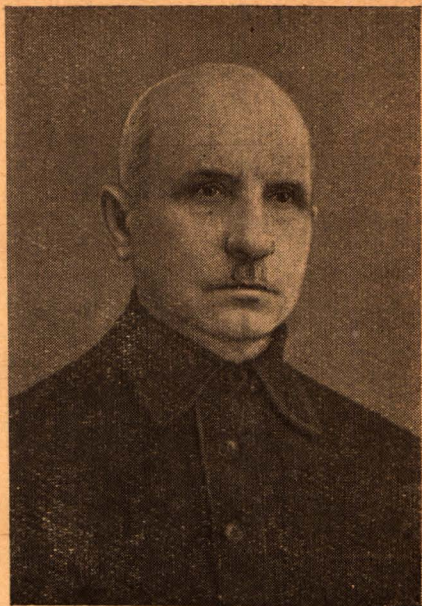
Внимательно присмотревшись к нему, члены подпольной партийной организации пригласили его на одно из собраний. К этому времени из Большой Речки в Зимино прибыл В. Е. Кузьмин. Ночью члены большевистской ячейки собрались в доме Василия Жогова на окраине Зимино и там обсудили создавшееся положение.

* «Сибирская жизнь» от 8 февраля 1919.

Ф. И. Архипов пришел на собрание с заранее написанным заявлением: «Прошу принять меня в ряды большевистской партии. Обязуюсь верно служить до конца своей жизни трудовому народу и пролетарской революции».

Он был единогласно принят в партию.

На собрании была заслушана информация В. Е. Кузьмина, который доложил, что налажена связь с отрядом П. К. Чаузова, а также сообщил о встрече с А. П. Елькиным. «Ключий» передал ему последние инструкции и указания Барнаульской партийной организации в связи с состоявшейся в Омске 20 марта Третьей Всесибирской подпольной партийной конференцией и принятыми на ней постановлениями.

Ф. И. Архипов

Зиминцы вынесли решение: «Принять доклад к сведению и постановление съезда* исполнять в точности».**

Для ознакомления всех подпольщиков с директивами вышестоящих партийных организаций было решено созвать в последних числах марта районное собрание, где одновременно подвести итоги работы и наметить план дальнейших действий.

Поздней ночью в село Панюшево съехались почти все подпольщики. Выступавшие говорили о том, что в села прибывают дезертиры, которые скрываются где кто может. Озлобленные колчаковскими порядками, они ищут оружия и хоть сегодня готовы идти на борьбу с врагом.

Поздней ночью в село Панюшево съехались почти все подпольщики. Выступавшие говорили о том, что в села прибывают дезертиры, которые скрываются где кто может. Озлобленные колчаковскими порядками, они ищут оружия и хоть сегодня готовы идти на борьбу с врагом.

* В сохранившейся копии протокола зиминские коммунисты Третью Всесибирскую конференцию называют съездом.

** «Повстанческое движение на Алтае», стр. 81.

Согласно указаниям Барнаульской организации собрание постановило приступить к созданию партизанских отрядов, которые направлять в единое организованное русло во избежание стихийных выступлений.

Собрание избрало районное партийное бюро из 15 человек, при нем созданы военная, чрезвычайная и сельскохозяйственная секции.

Вскоре после собрания были организованы партизанские отряды в Зимино, Легостаево и Боровском, но до наступления тепла их действия были пассивны. Продолжалось сочетание сил, проводилась агитация. Дезертирство из колчаковской армии изо дня в день увеличивалось.

Обеспокоенные антиколчаковской агитацией среди крестьян, каратели всеми путями выискивали «большевистские гнезда». Однажды беляки по какому-то подозрению арестовали Ф. И. Архипова. Всем стало ясно, что за организацией следят. Однако Архипова скоро освободили, и он, чтобы не вызвать никаких подозрений, немедленно выехал из Зимино. Вернулся Федор Иванович через месяц и поступил на службу в сельскую управу писарем, предварительно договорившись об этом с Г. С. Ивкиным. Используя бывшее звание армейского прапорщика, Архипов вошел в доверие колчаковской милиции. Он узнавал о всех готовящихся налетах на подпольную организацию и своими предупреждениями не раз спасал коммунистов, в том числе их руководителя Г. С. Ивкина. Пользуясь своим служебным положением, Архипов выдавал мобилизованным в колчаковскую армию такие справки, по которым они свободно могли проживать всюду, не вызывая подозрений в дезертирстве.

Но служба в сельуправе для Архипова становилась изо дня в день сложнее и опаснее. Крестьяне, не имевшие личной связи с партийной организацией, стали, однако, узнавать, вероятнее всего по родственным каналам, что есть такая организация, у которой много оружия и которая готовится воевать за обиженный народ. Более того, они делали попытки найти ее руководителей, и как это кое-кому удавалось, говорит такой факт. Однажды в управу пришел старик, вызвал на улицу Архипова и шепотом, «по секрету» заявил: «Федор Иванович, у меня с поскотины мерина угнали. Гнедой, на лбу лысина. Скажи ребятам, пусть пригонят, или скажи только, что он там, и я успокоюсь». Он настойчиво уверял, что это сде-

лала подпольная организация. Следовательно, он знал об организации и пришел по правильному адресу. Состоявшийся разговор взволновал Архипова. Надо менять тактику, искать повод для ухода из управы.

Быстро развивавшиеся события помогли ему.

С наступлением теплых весенних дней в районе Большой Речки активизировал свою деятельность отряд Чаузова. Он совершил несколько смелых налетов на милицию, наводя страх на колчаковцев. Подчас рискуя жизнью, Павел проникал в гущу населения, в среду мобилизованных и вел среди них агитацию.

10 мая. По-весеннему теплый солнечный день. На пристани Легостаево под плач женщин и проклятия стариков колчаковцами проводилась очередная отправка призывников в армию. Матери и сестры со слезами на глазах прощались с новобранцами. Всюду были слышны рыдания.

Вдруг на пригорке появился смуглолицый, стройный парень лет 22. Это был Чаузов. Он обратился к новобранцам со страстной речью: «Братцы! Куда вы идете? Неужели хотите служить кровопийцам? Идите в партизаны!»

Подскочивший милиционер не дал договорить Павлу, хотел схватить его, но Чаузов выстрелом из нагана наповал убил колчаковца. Другого, бежавшего на помощь первому, он ранил и скрылся в толпе.

Выступление Павла оказало свое воздействие: часть новобранцев исчезла с парохода.

Об этом событии в сводке № 17 Особый отдел департамента милиции Министерства внутренних дел Алтайской губернии сообщал: «10 мая на пристани Легостаево, Барнаульского уезда, при отправке парохода с новобранцами известными в районе преступниками велась среди новобранцев агитация не идти на службу. Двое милиционеров пытались задержать преступников, но были ими обезоружены, причем один милиционер убит.

Высланные отряды милиции с помощью воинской команды настигли преступников, задержали их, и полный порядок восстановлен»*.

* «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае» стр. 235—236

В действительности же Чаузова поймать не удалось. Поддерживаемый населением, среди которого он пользовался славой избавителя от карателей, Павел оставался неуловимым.

Чуя шаткость своего положения, карательный отряд Абрамова, разъезжая по селам, стал все больше и больше притеснять родителей дезертиров.

Народный гнев рос с невероятной быстротой. Нередко крестьяне оказывали физическое сопротивление карателям.

Обстановка была настолько сложна, что приходилось каждый месяц созывать собрания представителей подпольных ячеек.

Партийцам нужно было не только сохранить, но и крепить единство действий в готовящейся борьбе с Колчаком.

20 мая 1919 года в Панюшево был созван первый съезд представителей от 30 подпольных ячеек, объединяемых Зиминской подпольной организацией. На съезде обсуждались главным образом вопросы организационного порядка — о закреплении связи между всеми партийными подпольными организациями, охватившими своим влиянием центральную часть Алтая. Подпольные ячейки сел Боровского, Павловского, находясь по другую сторону Алтайской железной дороги, связывали зиминцев с Кулундинской степью. Через павловцев была установлена связь с большевиками Усть-Мосихи Каменского уезда, где во главе организации стоял пламенный патриот, человек сплошного подвига — Аркадий Николаевич Данилов.

Укрепившись организационно, многие подпольщики требовали от бюро открытого выступления. Руководство партийной организацией встало перед необходимостью созыва Второго съезда представителей партийных ячеек для обсуждения назревших вопросов. Съезд состоялся в июне, на нем присутствовало 60 делегатов от 14 организаций. Было решено назначить выступление на 20 июля. Однако военная секция, учитывая все обстоятельства, предложила пока воздержаться от открытого выступления, тем более, что это рекомендовал Барнаульский партийный комитет. В связи с этим в Алейске 10 июля специально был созван Третий подпольный районный съезд. На него от Алтайского губкома РКП(б) прибыл

А. П. Елькин. Выступая с докладом, он ориентировал на открытое выступление в тот момент, когда частями Красной Армии будет взят Челябинск.

Съезд назначил открытое вооруженное восстание на 7 августа 1919 года.

Удовлетворенные решениями съезда, партийцы разъехались по местам. Началась деятельная подготовка к восстанию. В Зимино, как и повсюду, по ночам работали кузницы, ковались наконечники пик. Пересматривался и уточнялся состав партизанского отряда.

Каратели Абрамова в поисках отряда Чаузова метались из одного села в другое, искали они и дезертиров. Первого августа Абрамов появился в Зимино, где учинил зверскую расправу над мирным населением. Согнав на площадь всех зиминцев — и старых и малых, — он охрипшим от постоянных попоек голосом кричал:

— Говорите! Кто здесь большевики? Кто дезертиры? Толпа молчала.

— А-а, молчите? — надрывался палач. — Всех избыю! Как собак постреляю!

Отцы и матери призывников, не явившихся по объявленной Колчаком мобилизации, ложились под плеть. Колчаковец-милиционер срывает одежду с женщины, двое валят ее на землю и начинают хлестать — зло, надсадно, с потягом. Выводят старика, бросают его на землю. Свистит шомпол.

Отвернулись, потупили головы мужики. Стыдно друг другу смотреть в глаза.

Схвачен Иван Царев — брат подпольщика, молодой паренек лет семнадцати. Его порют особенно долго.

— Говори, кто большевики?

Шомпола изодрали все тело, обильно политы кровью обрывки ситцевой рубашки. Иван побелел, но нашел в себе силы вымолвить: «Нет... не выдам... не...» Хлынувшая из носа и рта кровь залила последнее слово. Царев потерял сознание.

Так ничего и не добился Абрамов от зиминцев.

Совершенное колчаковцами в Зимино преступление ускорило открытое вооруженное выступление. В ночь на второе августа 1919 года, собравшись в полевой риге около села Солоновки, подпольщики разработали план восстания.

Было решено начать его с захвата Зимино.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Горсть смелых в количестве 30 человек при 9-ти винтовках во главе с Брусенцевым, Чаузовым и Жоговым в 10 часов дня влетела в село Зимино и подняла красное знамя», — так извещал первый номер печатного органа Штаба — «Известия».

Свора карателей была выбита из села, с остатками отряда Абрамов отступал в Усть-Алейку. А в ночь с 3 на 4 августа восставшие крестьяне Усть-Алейки встретили колчаковцев в полной готовности. Не ожидая боя, каратели свободно вошли в село, как вдруг из-за плетня раздалась команда:

— Братцы! Не теряйтесь, хватай двое одного!

— Руби топором!

Началась свалка, раздалось до десятка выстрелов, неизвестно с чьей стороны, и скоро все было кончено. Матерые колчаковцы, в том числе их предводитель Абрамов, два дня назад чинившие расправу над беззащитными зиминцами, не ушли от справедливого возмездия — они были взяты в плен и расстреляны.

После освобождения Зимино партийная ячейка восставших крестьян собрала митинг. Пришли все жители села — молодые и старые, мужчины и женщины, у многих на руках дети.

С крыльца бывшего дома старосты Федор Иванович Архипов произносит взволнованную речь, призывавшую всех от мала до велика на борьбу с проклятой колчаковщиной. «Трудна наша борьба, — говорит он, — но надеяться не на кого, никто не устроит нам счастья, кроме самих. Теперь всем ясно, что только большевики несут трудовому народу настоящую свободу и мир, освобождение от кабалы и насилия. Кому дорога свобода, вступайте в наши ряды! Час освобождения близок. Да здравствует революционный трудовой народ!»

Громкие одобряющие выкрики и аплодисменты крестьян слились в один общий гул.

На крыльцо быстро поднимается Павел Чаузов. Каждому хорошо видна его высокая, стройная фигура. Павел обращается к зиминцам с призывом очистить от колчаковских банд Чистюньку.

Значительно пополнившись за счет зиминцев, отряд боевой колонной двинулся на Чистюньку. Ворвавшись

в село, партизаны быстро захватили здания волостного управления, почты, милиции, освободили арестованных. Часть милиционеров успела скрыться в кузнице и стала отстреливаться. Руководивший операцией И. И. Ефремов приказал поджечь кузницу, не выпуская оттуда милиционеров. В завязавшейся перестрелке он был смертельно ранен.

К шести часам вся Чистюнька была освобождена повстанцами. Вечером того же дня, 2 августа 1919 года, Архипов и Жогов объявили о заседании подпольных работников. В 8 часов собрались П. К. Чаузов, К. Н. Брусенцев, В. К. Жогов, Ф. И. Архипов, И. И. Васильев, И. И. Царев, В. Е. Семенихин, Хохлов, Нагайцев и др.

На повестке дня стояли следующие вопросы:

1. Организация власти.
2. Углубление и расширение революции.

На заседании было решено создать штаб и присвоить ему название Главного военно-революционного штаба Алтайского округа, доверив ему всю полноту власти, командование всеми революционными силами вручить Кондратию Никифоровичу Брусенцеву, бывшему зауряд-прапорщику, знатоку военного дела, в прошлом участнику революции 1905 года.

По второму вопросу постановили: действуя через подпольные организации всеми мерами, поднять крестьянство, быстро организовать его в отряды и этим самым «углубить и расширить революцию»*.

Начальником штаба единодушно утвердили Ф. И. Архипова, по предложению которого создали отделы штаба. В военный отдел вошли Архипов, Царев, Семенихин, в хозяйственный — Жогов, Нагайцев, в следственную комиссию — Ивкин, Нагайцев. Казначеем был избран И. И. Васюков.

На заседании было решено также создать свой ежедневный печатный орган — «Известия Главного Штаба Алтайского округа».

Был обсужден план дальнейших военных действий.

В своих воспоминаниях член штаба И. И. Васюков пишет: «Отряду Розинкина было поручено взять Усть-Чарышскую пристань. Павел Чаузов получил задание прервать телеграфное сообщение и железнодорожные мосты

*Партархив Алтайского КК КПСС, ф. 1061, о. 1, д. 174.

между Барнаулом и Топчихой, захватить станцию Калманка. Мерзлякова послали в с. Большую Речку* к тов. Кузьмину, чтобы он известил Барнаульский подпольный комитет РКП(б) о нашем выступлении. Тов. Моисеева послали в Усть-Мосихинскую подпольную организацию сообщить тов. Данилову А. Н. о выступлении зиминцев.**

На другой день Главный штаб объявил мобилизацию. Зиминский штаб созвал местных жителей и делегатов от ближайших селений на совещание и поставил перед ними вопрос о мобилизации десяти призывных возрастов, «как наиболее сознательных и революционно настроенных».

В каждом селе, в каждой деревне приступили к формированию отрядов. Во главе отряда ставился выбранный населением командир, по имени которого и назывался отряд. Командирами были в основном лица, знакомые с военным делом.

Через несколько дней в распоряжение Зиминского штаба явилось несколько сот мобилизованных, в большинстве своем настроенных по-боевому, революционно. Некоторые пришли с ружьями, кое-кто — с пиками, редко у кого — наган, но большинство оружия не имело.

Перед Главным штабом встала неотложная задача — настойчиво и упорно искать оружие по селам и в кратчайший срок вооружить каждого повстанца. Вскоре было найдено несколько винтовок, ружей и до трех десятков наганов. Собирали порох, свинец, медь. Сами отливали пули, делали приспособления для зарядки патронов. Были мобилизованы все кузнецы дляковки пик. Бывшие петроградские рабочие-металлурги смастерили из водопроводной трубы 3 пушки, которые давали в основном моральный эффект. Агитаторы разъясняли партизанам: «Оружие у наших врагов, и взять его можно силой».

Первым крупным трофеем, добытым у врага, были кони. Выставленная зиминцами разведка донесла, что из Горного Алтая в Барнаул белогвардейцы перегоняют лошадей. Было решено отбить табун у противника. Операция была проведена успешно, повстанцы захватили 76

* В 1957 году с. Большая Речка переименовано в с. Чаузово, в память бывшего командира П. К. Чаузова.

** Партархив Алтайского КК КПСС, ф. 1061, о. 1, д. 127.

лошадей. Вскоре на Оби были захвачены пароход «Колывант», моторный катер «Дельный» и баржа «Волга» с огромным грузом пшеницы. Эти суда в дальнейшем сослужили повстанцам хорошую службу: перевозили продовольствие, отряды партизан, не раз использовались в разведке.

С первых же дней восстания дала себя знать агитационная и организационная партийная работа. Своеобразный телеграф деревни — так называемые «конные летучки» — регулярно доносил штабу, что на борьбу с Колчаком поднимаются все новые и новые массы крестьянства.

Печатный орган Главного штаба — «Известия» — едва успевал сообщать: «Восстало Колпаково, Безголово, Карасево», «Восстание перекинулось в Змеиногорский и Бийский уезды», «Восстание охватило Горный Алтай» и т. д.

Барнаульские военные власти сделали попытку сразу же, без шума разгромить основные очаги восстания — Зимино и Чистюньку. С этой целью из Барнаула вечером 2 августа был отправлен сборный отряд особого назначения из 50 человек под командой подпоручика Барского. Утром 3 августа отряд повел наступление на Чистюньку, но, встреченный огнем повстанцев, вынужден был отойти на ст. Топчиха.

На другой день Барский с отрядом в 60 человек русских и чехов с 2 пулеметами снова делает попытки захватить с. Чистюньку, но после двухчасового боя колчаковцы и на этот раз отступили. Зиминцы в течение двух дней преследовали отступавших белогвардейцев. Не выдержав натиска повстанцев, отряд Барского погрузился 7 августа в эшелон и возвратился в Барнаул. Однако незадачливый подпоручик скрыл неудачу. Преувеличив силы повстанцев, Барский в своем донесении начальству писал:

«В Чистюньке красных около 3-х тысяч, все они были верхами. Они быстро обложили нас со всех сторон и пытались отрезать подводы, на которых мы приехали. Ружейный и пулеметный огонь их не останавливал».

Зиминское восстание было неожиданным ударом для белогвардейцев и ошеломляюще подействовало на них. Оно было опасным по своему характеру и представляло серьезнейшую угрозу для тыла колчаковцев, для форси-

рования наступления на Красную Армию, для всего колчаковского фронта вообще.

Управляющий Алтайской губернией, срочно запрашивая войска, панически сообщал, что Барнаул почти окружен партизанами.

Для подавления восстания колчаковцы двинули из Омска, Ново-Николаевска, Томска, Семипалатинска, Змеиногорска и Усть-Каменогорска свои лучшие, наиболее надежные войска — головорезов-анненковцев, карателей-егерей, казачьи части польских легионеров и чехословаков. Губернское начальство оценивало создавшееся положение как крайне серьезное.*

7 августа командующий войсками по Барнаульскому военному району генерал-майор Биснек издает приказ:

«В уезд направлены для быстрой ликвидации мятежа крупные силы, в том числе отряд атамана Анненкова... В целях быстрой ликвидации мятежа и для обеспечения военным начальникам возможностей применять все вызываемые обстановкой меры объявляю Барнаульский военный район на осадном положении и предписываю действующим в районе военным начальникам уничтожить без суда всех, принимающих прямое или косвенное участие в мятеже, конфискуя и уничтожая их имущество».**

Отдельные отряды карателей полковников Полякова, Хмелевского и капитана Харченко несколько раз пытались разбить повстанцев, при этом зверски издеваясь над мирным населением. Но партизаны были буквально неуловимы, силы их росли не по дням, а по часам. 4 августа число восставших сел составляло 36; 5 августа повстанцы заняли станцию Алейскую, 6 августа — ст. Топчиху.*** Эти станции несколько раз переходили из рук в руки. Борьба за железную дорогу Барнаул—Семипалатинск не прекращалась на протяжении всего восстания.

Несколько раз повстанцы брали и Усть-Чарышскую пристань. Противник знал ей цену. Это старый торговый центр и одна из крупнейших пристаней на Оби. Овладев ею, партизаны разрывали у белых коммуникацию Бар-

* «Повстанческое движение на Алтае», стр. 112.

** «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», стр. 239—240.

*** Бородин, «Роль партизанского движения на Алтае в разгроме колчаковщины», Барнаул, 1950, стр. 17.

наул—Бийск и, таким образом, не давали возможности колчаковцам вести операцию и по Оби. Одни отряды делали налеты на станции, разрушали пути, перерывали телеграфные линии и жгли мосты, другие—нападали на пароходы белогвардейцев, разрушали водный транспорт.

Через 10 дней после начала восстания им оказалась охваченной территория в 40 тысяч квадратных километров, восстало около 100 сел.

Однако боевые действия повстанцев велись небольшими отрядами, носили разрозненный характер. Это вызывало у командования серьезное опасение за успешное развитие восстания. К тому же некоторые отряды делали попытку действовать самостоятельно. Поэтому Главный штаб встал перед необходимостью принятия срочных мер с тем, чтобы упорядочить боевые действия и ввести восстание в более планомерное русло. Было решено всю территорию, охваченную восстанием, разбить на 7 районов, где сконцентрировать войска: 1-й район (северный фронт) — центр Калманка, командир Чекменев; 2-й — Приобский район — центр Усть-Пристань, командир Розинкин; 3-й район — центр ст. Алейская, командир Давыдов; 4-й район — центр Чистюнька, командир Семенихин; 5-й район — Северный приобский — центр Б-Речка, командир Котов; 6-й район — центр Березовка (в горах) за Чарышом, командир Медведев; 7-й район — центр Боровское, командир Захаров.

Штаб, находящийся в с. Боровском, решено именовать 2-м отделением Главного штаба.

За руководство боевыми операциями в каждом районе нес ответственность, помимо командира, один из членов Главного штаба. Партийным ячейкам было предложено во всех отрядах для ведения политической работы назначить комиссаров.

В связи с названными выше решениями Главный военно-революционный штаб Алтайского округа издает следующий приказ:

«Всем комиссарам отдельных отрядов и всем районным и местным штабам.

Главный штаб революционных войск Алтайского округа, объединяя все восставшее население под Красное знамя, извещает, что Колчак и его правительство не могут смотреть сквозь пальцы на развитие революции на Алтае. И мы должны быть готовыми к встрече «прави-

тельственных» войск на освобожденной Советской территории. Наш фронт для них опаснее внешнего... Мы теперь должны соединить своевременно войска в одно целое ядро, чтобы дать решительный отпор. Нам не следует увлекаться маленькими отрядами... Поэтому — все средства на то, чтобы объединить все вооруженные силы под свое знамя... Вменяется в обязанность комиссарам районов не терять связи с Главным штабом, производить мобилизацию по распоряжению Главного штаба.

Начальник штаба — *Ф. Архипов*».

Следует отметить, что все распоряжения, приказы и воззвания командования партизан выдерживались в духе решений подпольных большевистских конференций Сибири.

Руководство Главного штаба ясно себе представляло и оценивало сложившуюся обстановку. Знали, во-первых, что среди повстанцев, в том числе и среди назначенных и избранных командиров, особенно мелких отрядов, будут разные люди, с разными политическими взглядами. Поэтому необходимо было чаще повторять лозунги борьбы, выставлять политическую платформу Главного штаба и движения, чтобы мобилизовать и вести массы в бой только под этими лозунгами.

Во-вторых, коммунисты не могли не заметить, что деятельность некоторых отдельных мелких отрядов принимала уродливые формы, иные командиры, а вместе с ними и часть повстанцев, не понимая сущности политики большевистской партии, сводили ее к тому, чтобы напасть на колчаковскую милицию, забрать денежные суммы земских управ, свести счеты с отдельными ярыми сторонниками колчаковской власти, не думая о дальнейшей судьбе крестьянства.

И, наконец, в-третьих, в партизанских рядах еще не была налажена единая революционная дисциплина, что могло пагубно отразиться на ходе восстания. Учитывая все это, Главный военно-революционный штаб 9 августа 1919 года обратился ко всему восставшему населению с воззванием:

«Товарищи-братья!

Деспотическому, кровавому правительству приходит конец. Терроризированное расстрелами, порками и непрерывным насилием белых трудовое население Сибири

восстает повсюду против своих угнетателей. Голодные, оборванные, с голыми руками, рабочие и крестьяне идут и бьют кровопийцев. Велика сила народного восстания, страшен гнев народа. Но богачи-мироеды да кровавое офицерство не сдадутся без боя. В эти дни великого народного восстания революционными отрядами избран Главный военно-революционный штаб. Этот штаб принял на себя всю полноту военной и гражданской власти в местностях, освобожденных от белых. Заявляя об этом, Главный штаб торжественно обещает всему трудовому населению Алтайской и смежных губерний, что главной его целью является восстановление в Сибири истинно народной — Советской власти. Во всех своих действиях штаб будет руководствоваться декретами Центральной Советской власти — Совета Народных Комиссаров всей России.

Товарищи и братья! Час освобождения близок. Все к оружию, все на борьбу. Создавайте свою революционную дисциплину, выполняйте распоряжения штаба и его уполномоченных.

Да здравствует революция! Да здравствует революционный трудовой народ! Смерть и гибель буржуазии и ее приспешникам!»

Это воззвание явилось важнейшим документом, в котором Главный штаб излагал свою политическую платформу, связывая ее с борьбой за Советы под руководством большевистской партии и Советского правительства. Она постоянно подкреплялась практическими делами повстанцев. С первых же дней восстания во всех освобожденных населенных пунктах восстанавливались сельские Советы, которые помогали организовывать массы, собирали отряды и вооружали их, вели местную разведку и держали связь с Главным штабом, творили суд и расправу над местной колчаковской милицией, над кулаками-доносчиками, над шпионами, каких немало было подослано из городских охранных.

Так в огне, в боях рождались Советы, брали власть в свои руки, становились органами диктатуры пролетариата и крестьянства на всей освобожденной зиминцами территории.

Между тем барнаульские военные верхи, избрав тактику ликвидации восстания на большой территории, мелкими карательными отрядами продолжали вести насту-

пленение то на одно село, то на другое, оставляя за собой кровавые пятна. Неоднократные попытки захватить Зимино и Чистюньку кончались для белых провалами. Однако колчаковцы не могли смириться с тем, что центр восстания остается в руках большевиков.

9 августа вновь началось наступление на Чистюньку со стороны ст. Алейской и Топчихи. Противник был вооружен пулеметами. Партизаны героически отстаивали село, дважды бросались на врага в атаку. Но несомолкаемые пулеметные очереди заставили повстанцев отступить, потеряв 60 человек убитыми.

Ворвавшись в село, колчаковцы стали искать большевиков и им сочувствующих, а не найдя их, выгнали все население на улицу и подожгли 6 домов. Затем, узнав о подходе двух (Осколковского и Легостаевского) партизанских отрядов, спешивших на помощь повстанцам, белогвардейцы быстро оставили Чистюньку и быстрым маршем направились через Калманку и Барнаул.

На другой день, на рассвете, в штабе было получено донесение, что крупные карательные отряды, развернув наступление, смяли партизан и ворвались в Усть-Пристань. Штаб белых расположился у купца Шестакова — владельца большого торгового предприятия и громадных складов. Началась зверская расправа с захваченными в селе повстанцами. На купеческом дворе их расстреливали, вешали.

Зиминский штаб забил тревогу. На следующий день к Усть-Пристану подошел сводный отряд партизан в 2000 человек. Село было очищено от белогвардейцев. Тем не менее оно еще трижды переходило из рук в руки.

В Зиминском штабе с утра до ночи толпился народ. Ежедневно отовсюду прибывали делегаты из сел с донесением о боях, о сельских сходах крестьян, советовались, как лучше вести борьбу.

Начальник штаба Ф. И. Архипов и начальник агитационного и следственного отдела Г. С. Ивкин каждому разъясняли, как правильно организовать политическую работу в партизанских отрядах и среди населения.

В разгар восстания 13 августа 1919 года в Чистюньке собрался съезд представителей 36 селений Барнаульского и Бийского уездов. Он обсудил ряд неотложных вопросов, в ту пору волновавших повстанцев. Председательствовал старейший большевик Г. С. Ивкин. Был за-

слушан и обсужден отчетный доклад Главного штаба. Съезд одобрил его и вынес благодарность штабу за успешное руководство восстанием.

Съезд разработал и утвердил специальную инструкцию по организации Советской власти на местах, постановил немедленно распустить земские органы, где они еще имеются.

Было решено созвать 22 августа съезд представителей от уездных, волостных и сельских Советов, установлена норма представительства: от сельских — по 1 человеку, от волостных — по 2 и от уездных Советов — по 5 человек. Съезд утвердил губернское боевое знамя — «из красного полотна с нанесенным на нем текстом — буквами из синих колосьев».

Но сложившаяся обстановка не позволила зиминцам в тот период организовать губсовет. Облаком был организован ими в сентябре совместно с каменскими коммунистами.

Серьезный характер приняло обсуждение вопроса о религии, который был внесен на съезд после предварительного обсуждения в Главном штабе. Колчаковская печать, играя на религиозных верованиях тогдашнего сибирского крестьянства, пыталась противопоставить религию Советам, пугала тем, что большевики запрещают молиться, крестить детей, закрывают церкви и т. д. Эти сообщения колчаковских газет не могли, понятно, не беспокоить деревенское население. Но решение, принятое съездом, удовлетворило тогда всех: «Кто хочет совершать обряды по-граждански, тот может записываться в Совете в метрические книги, а кто хочет по-старому, тот может идти к священнику».

Обсудив вопрос об уборке урожая, съезд своим постановлением потребовал от жителей сел в первую очередь убрать урожай у тех, кто находился в боевых рядах партизан или погиб в борьбе с колчаковщиной. Ответственность за это на местах была возложена на сельские и волостные Советы.

Съезд вошел в историю партизанского движения на Алтае как событие исключительной важности по смыслу и содержанию принятых на нем постановлений. Именно здесь делегаты решили послать к Владимиру Ильичу Ленину своих представителей, чтобы рассказать ему о борьбе сибиряков за власть Советов. Этими представи-

телями были Юдин и Татарников — члены Зиминской партийной организации. Преодолевая трудности, постоянно рискуя жизнью, они перешли линию фронта, прибыли в Москву и были приняты Ильичем.

В. И. Ленин, выступая 24 октября 1919 года перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на фронт, говорил: «...сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно».*

Съезд еще раз показал, насколько крепка была связь большевиков с массами, как коммунисты знают их нужды и настроения. Решения съезда отразили интересы прежде всего восставшего населения, и не случайно поэтому Главный штаб пользовался его доверием и поддержкой. Они явились серьезным мобилизующим фактором в священной борьбе против колчаковщины даже для тех крестьян, которые еще колебались по отношению к Советам.

Восставали села уже под самым Барнаулом. У Калманки образовался Северный фронт. Границы на запад были не определены. Там, за линией железной дороги, в Кулундинской степи, на сотни километров раскинулась восставшая территория, где действовали легендарный герой Е. М. Мамонтов, И. В. Громов. На юго-восток восстание распространилось вплоть до предгорий Алтая. Зиминский штаб с первых же дней восстания обратился с призывом к жителям гор: «Объявляйте колчаковщину свергнутой и присоединяйтесь к восставшим степным селам. Все на борьбу с врагом за власть Советов!»

Пламя восстания вызывало страх у колчаковского командования. Во второй половине августа в районы восстания были брошены крупные силы карателей: пехота и кавалерия полковников Хмелевского, Полякова и Окунева, капитана Харченко, отряд отпетых головорезов — «голубых улан» — под командованием атамана Анненкова. На знамени анненковцев — черная эмблема смерти — череп с перекрестием костей и с надписью: «С нами бог и атаман Анненков!» Каратели были хорошо вооружены, была у них и артиллерия.

Наступление колчаковских войск развертывалось

* В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 59.

стремительно. 16 августа из Барнаула вышел со свежими силами отряд Харченко, в котором насчитывалось около 800 человек с 10 пулеметами и 4 артиллерийскими орудиями. Ему, конечно, не представляло никакой трудности разгромить мелкие отряды повстанцев близлежащих от Барнаула селений — Рассказихи и Васино, зверски расправиться с ними и превратить села в сплошное пожарище. Упорное сопротивление Харченко встретил у Усть-Алейки. Большой, но слабо вооруженный отряд повстанцев около двух недель стойко удерживал село. И только отрезанный колчаковцами от главных сил, он был вынужден отступить и переправиться через Обь.

Не досчитавшись многих в отряде, Харченко пошел на соединение с полковником Хмелевским, каратели которого, поддерживаемые конным дивизионом поручика Серебренникова, захватывали одно за другим села, расположенные по берегам Оби.

25 августа отряд Хмелевского захватил Усть-Пристань, где, наводя «порядок», трех повстанцев повесил, 17 — расстрелял, многих заживо сжег в домах. После этого Хмелевский хвастливо рапортовал в Бийск своему начальству: «Народ... с белыми флагами и хоругвями встретил наши пароходы... Произнесена большая проповедь с вразумлением метущемуся народу, который после этого вернулся к мирному труду».

22 августа шедший с юга эскадрон белых захватил станцию Алейскую, на севере пала Калманка.

Зиминский район оказался почти в полном окружении. Тем не менее повстанцы стойко держались, героически отбивали атаки колчаковцев.

В эти тяжелые дни Главный штаб, чтобы пополнить партизанские ряды, постановил: «Мобилизовать товарищей призыва 1908 по 1917 год включительно, остальному населению заниматься полевыми работами вплоть до особого распоряжения».

Главнокомандующим северным фронтом был назначен П. К. Чаузов.

Несмотря на трудную обстановку, было мобилизовано более 200 человек, реквизировано 57 дробовых ружей, 8 трехлинейных винтовок.

Но кольцо окружения все сжималось. Наступление врага, сопровождаемое неумолкаемой артиллерийской стрельбой, наводило на некоторых повстанцев панику,

они оставляли ряды и уходили защищать свой дом, свой хутор. Кое-когда беспричинная паника охватывала и некоторых членов Совета и районных штабов, которые перемещали свою канцелярию из одного села в другое. Главный штаб, понятно, не мог с этим мириться и за подписью Архипова и Ивкина извещал, что члены Советов и штабов, самовольно и неоправданно оставившие свои места, будут преданы военно-полевому суду.

Главный военно-революционный штаб Алтайского округа принимал все меры к тому, чтобы остановить наступление врага. Было решено концентрировать некоторые отряды в единое целое и расширить восставшие территории на северо-запад, в сторону города Камня. Но намного превосходящий по силе противник наступал и не давал зиминцам возможности объединиться.

В штабе немедленно собралось военно-политическое совещание, на которое из Боровского с В. И. Поповым прибыл Р. П. Захаров — командующий 7 военным районом. Приехали К. Н. Брусенцев, Г. С. Ивкин, П. Р. Семенихин и другие. Было постановлено: на революционной полосе Сибири иметь три главных штаба, т. е. создать запасные с тем, чтобы предотвратить возможность потери управления восстанием на случай окружения или даже ликвидации колчаковскими ордами из штабов. Второй штаб должен располагаться в селе Боровском, третий — в селе Павловском. Функции главного штаба сохранялись за Зиминским. Командование всеми вооруженными силами передавалось К. Н. Брусенцеву.

Все ясно представляли себе указания Центрального Комитета партии о том, что успех восстания зависит от его организованности и сплоченности.

Многие участники совещания предлагали немедленно уйти в восточную часть Славгородского уезда — в район действий Е. М. Мамонтова.

Штаб решил во что бы то ни стало сохранить силы и продолжать борьбу. В случае отступления всем отрядам предписывалось переправиться за Обь, где, используя знакомую местность, лес, кусты, как выгодное для себя стратегическое положение, разбить наступающие колчаковские орды, а затем, укрепившись новыми силами, пойти на соединение со славгородцами.

Штаб вручил коммунистам документы, удостоверяющие личность, и поручил разъехаться по селам с дирек-

тивными указаниями штаба. Например, в удостоверении Г. С. Ивкина говорилось:

«Предъявитель сего есть политический агент, командированный Главным штабом Алтайского округа... для изыскания оружия среди населения, для организации штабов, Советов и Комитетов революционной власти, для чего разрешается ему от имени штаба действовать самостоятельно, арестовывать лиц, мешающих организаторской работе... производить мобилизацию людей в тех местностях, где таковая еще не произведена, требовать от местных властей исполнения постановления Главного штаба... Всем штабам, Советам и Комитетам оказывать всякое содействие агенту Ивкину Г. С., по требованию давать подводы и верховых лошадей, а также сопровождаемых, сколько ему потребуется».*

Но работа командированных членов штаба была прервана. Наступление правительственных войск поставило под удар Зимино. Два эскадрона белых захватили и подожгли деревню Фунтики недалеко от Топчихи. Эскадроны «голубых улан» уже взяли Чистюньку. В этот же день колчаковцы ворвались в Зимино, но были оттуда выбиты. На другой день, 23 августа, они вновь повели наступление. Находящийся в селе отряд зиминцев имел всего лишь сорок винтовок и был вынужден с боем отходить. Главному штабу едва удалось спастись. Сотни жителей Зимино отступали вместе с отрядом и штабом.

Колчаковцы телеграммой поспешили сообщить в Омск «верховному правителю», что «банды красных рассеяны, вылавливаются одиночки, заканчивается операция».

Но до конца операции было далеко. Колчаковцам не удалось уничтожить живую силу партизан, хотя они и захватили центр восстания.

В опустевшем селе колчаковцы рыскали из дома в дом, хватая на подводы крестьянское имущество и продовольствие. Затем каратели подожгли село. Горело более 100 домов, горели амбары с хлебом, надворные постройки, скирды сена — все нажитое крестьянским трудом превратилось в пепел.

«Ни одному из этих «храбрых рыцарей» — Полякову,

* «Партизанское движение в Западной Сибири», Новосибирск, 1936, стр. 286.

Хмелевскому, Анненкову и Колчаку — не запало в убогий мозг, что, поджигая крестьянские амбары с запасами зерна, они, при всяком исходе своего хамского положения, не выигрывают. Впрочем, этой гнусной своре не до размышления»*.

Так писал в одном из обращений агитотдел Главного штаба.

Свою злобу колчаковцы вымещали на мирных жителях сел. Захватив Легостаево (Володарское), Белово, Колпаково (Топчихинского района), каратели учинили жестокую расправу над крестьянами.

Восставшая территория была в огне. Гигантским факелом она провожала своих повстанцев.

Главный штаб вечером 23 августа отступил в село Брусенцево, предполагая переправиться на другую сторону Оби. На пароходе «Кольвань» началась переброска продовольствия. Был уже полностью переправлен отряд П. К. Чаузова, но основную массу партизан переправить не удалось. Колчаковцы, распознав намерения повстанцев, предприняли наступление и отрезали путь к берегу.

Как сохранить остальные отряды? Советоваться не с кем, барнаульская подпольная организация далеко. Дело решалось несколькими часами.

Штаб изменил план отступления, решив пройти к линии железной дороги в 7-й Боровской район, где находился второй Главный штаб, а оттуда — в Славгородскую степь, к Мамонтову.

...Колонна зиминских повстанцев растянулась на две—три версты. В голове колонны — вооруженный винтовками отряд П. Р. Семенихина. Тыл прикрывают также вооруженные бойцы. Пыль, как дымовая завеса, сплошной стеной стояла над степью. У бойцов тяжелое чувство, угрюмые лица. Не слышно обычных шуток и смеха. Партизаны скупно переговаривались между собой. Нелегко уходить из родных мест. Что ожидает их впереди? Только борьба! Мстить и драться до конца за поруганную колчаковцами алтайскую землю. До полной победы над проклятым врагом!

На пути к Осколково к колонне партизан все больше

* «Партизанское движение в Западной Сибири», Новосибирск, 1936, стр. 49.

и больше примыкало крестьян. Среди них были старики и дети, бежавшие от колчаковских карателей и всецело доверившие свою жизнь большевикам. Старики, женщины и дети, обозы раненых — все это придавало отряду в высшей степени не боевой, не военный, а какой-то бесформенный вид более чем пяти тысячной толпы.

Штаб, опасаясь за жизнь почти небооруженных людей в случае внезапного нападения белых, провел в селе Осколково митинг, на котором от имени командования выступил начальник штаба Архипов. Охарактеризовав сложившуюся тяжелую обстановку, он призвал всех, кто не может непосредственно участвовать в боях и кому менее угрожает опасность со стороны колчаковцев, вернуться домой в свое село, убрать созревший на полях и еще не сожженный врагом хлеб. Таких оказалось более двух тысяч человек. Остальные три тысячи двинулись в поход. В их числе был и осколковский отряд под командованием героя первой мировой войны, полного георгиевского кавалера Павла Демьяновича Тибекина. Этот отряд не раз показывал свою боевую устойчивость. После разгрома белогвардейцев под Журавлихой им был захвачен первый появившийся у партизан Западной Сибири пулемет.

Учитывая слабые стороны существовавшей до этого системы мелких самостоятельных отрядов, штаб по предложению К. Н. Брусенцева начал формирование сводных полков — более крупных подразделений армейского типа. Так вырос впоследствии прославившийся храбростью и отвагой своих бойцов первый Алейский стрелковый полк.

Трудность продвижения на Боровское заключалась в том, что нужно было пересечь линию железной дороги Барнаул—Семипалатинск, контролируемую атаманом Анненковым. По ней то и дело курсировали бронепоезда и вагоны с черной эмблемой смерти. Хватали и садили в вагоны без разбора, по малейшему подозрению, по доносу и даже по личным счетам. И никто из попавших в эти вагоны не оставался в живых.

На станциях Пospelихе, Шипуново, Топчихе и Алейской находились белые.

Главный штаб решил коротким броском пересечь линию у деревни Кашино. По обе стороны деревни по приказу Брусенцева были подожжены железнодорожные

мосты. Обстреливаемые колчаковскими бронепоездами, повстанцы пересекли линию железной дороги и достигли Боровского. Вслед за ними к селу подошли передовые части егерского батальона подполковника Окунева в 1100 человек, имевшие 13 пулеметов и два орудия. Перед Окуневым стояла задача — отрезать повстанцам путь отступления и ликвидировать их.

У трехтысячного отряда партизан на вооружении имелось всего лишь 280 винтовок, один пулемет и три самодельных пушки. Остальное оружие составляли пики.

Уверенный в победе, Окунев спокойно, как на учении, развертывал свой полк. Партизаны проявили высокий героизм и настойчивость. Они выдержали неравный бой и ночью, оставив позиции, заняли более выгодное положение в перелеске, близ села Урлапово (ныне Шипуновского района). Окунев понес серьезные потери, отказался от преследования и ушел на станцию Шипуново, а затем в Госпелиху — для пополнения своих сил.

На совещании в Урлапово Зиминский штаб подвел итоги борьбы: колчаковцам не удалось уничтожить живую силу партизан, хотя они и заняли территорию восстания; повстанцы вышли из окружения и прибыли в район действий Мамонтова. К этому времени все отряды, собранные в один кулак, представляли спаянную трехтысячную армию, готовую бороться до победы.

Таким образом, большевистское руководство зиминским повстанческим движением показало свою способность правильно оценивать положение в очень сложной и постоянно меняющейся обстановке. Этому в значительной мере способствовала непрекращающаяся связь партизан с Барнаульской партийной организацией.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Находясь в восточной части Славгородского уезда, в районе действий прославленного командира Е. М. Мамонтова, зиминцы (алейцы) решили назначить с ним встречу, ознакомить его с итогами месячной борьбы, рассказать о дальнейших планах, об объединении отрядов в единую боевую партизанскую армию с централизованным командованием.

Штаб направил к Е. М. Мамонтову верховых.

Зиминцы расположились на лугу, вблизи села Мель-

никово (ныне Новичихинского района). Было уже поздно, но никто не спал. Настроение у людей приподнятое. Все ждали человека, о котором так много рассказывали жители здешних мест. Каждому хотелось посмотреть в лицо этому необыкновенному человеку.

Мамонтов прибыл поздно, с ним был его отряд — боевая сотня конных партизан, вооруженных трехлинейными винтовками.

К. Н. Брусенцев выстроил своих бойцов. Напротив них выстроился отряд Мамонтова.

Сердечно, по-братски обменявшись рукопожатиями, Е. М. Мамонтов, Ф. И. Архипов и К. Н. Брусенцев приветствуют бойцов.

На заседании Архипов доложил о положении дел за Алеем, о боях, о дальнейших намерениях. «Мы пришли к вам,— говорил он, обращаясь к Мамонтову,— чтобы совместными усилиями бороться против колчаковщины». И предложил объединить все отряды, а для пополнения отрядов — провести мобилизацию. Е. М. Мамонтов с удовлетворением принял предложение.

По предложению зиминцев главнокомандующим объединенной армии был избран Ефим Мефодьевич Мамонтов, комиссаром и начальником штаба — Федор Иванович Архипов. В состав Главного штаба вошло все повстанческое зиминское руководство: Ивкин, Конкорин, Семенихин, Захаров, Брусенцев, Зиновьев, Розинкин, Покидов и другие большевики, прошедшие большую школу подпольной работы, а от штаба Мамонтова — Поляков, братья Константиновы, Сентерев и Чеканов, который по рекомендации Мамонтова был назначен заместителем начальника Главного штаба. Резиденцией Главного штаба намечено село Солоновка.

Штаб утвердил отделы:

Агитационный (руководители Кольцов, Баранов). В его задачу входило увязывать работу штаба с жизнью населения и сельских Советов, служить связью штаба с подразделениями частей, вести массово-политическую работу в ротах, вести наблюдение за настроением и поведением командного состава. Для всего этого агитотдел привлекал до 20 человек способных, грамотных и проверенных товарищей.

Отдел снабжения (начальник Покидов). На него возлагались обязанности обеспечить армию продовольстви-

ем и одеждой, конфисковывать у кулаков имущество для снабжения отрядов, доставлять для живого тягла фураж.

Финансовым отделом руководил Ивкин, казначеями были утверждены Васюков, Константинов.

Санитарным отделом руководил военфельдшер коммунист Розинкин.

Так был укомплектован аппарат Главного штаба, приступивший к исполнению своих обязанностей, которые характерно выражены в приказе № 1, где говорится: «Главный штаб... первой и последней обязанностью своею считает — победить капитал и чины и дать право и волю трудовому народу».

Объединение зиминских повстанцев с отрядом Мамонтова было более чем своевременным. Оно усилило армию физической силой, но, главное, усилилось влияние партии большевиков в руководстве партизанским движением, ибо все политические должности оказались в руках партийцев зиминской группы, доказавших еще в подполье преданность Советской власти. В партизанских частях улучшилась политическая работа.

... Началась полоса боев с белыми.

Успехами в боевых действиях партизанская армия была обязана прежде всего большевистскому руководству Главного штаба — инициатору введения крепкой воинской дисциплины.

«Во имя будущих благ социализма, — говорилось в одном из приказов, — Главный штаб объявляет, что с нарушающими порядок товарищами будут приняты самые строгие меры, как с изменниками... Неисполнение требований командного состава рассматривается, как измена социализму. Возвращение без винтовки из боя, самовольное оставление поста есть измена социализму. За измену — смертная казнь по суду».

Строго наказывались и другие проступки партизан: мародерство, пьянство, насилие.

О том, как это выполнялось, говорит хотя бы такой приказ начальника 6-й Горно-Степной дивизии* Ф. И. Ар-

* В октябре 1919 г. из партизанской армии выделился отряд зиминцев в 480 человек, который скоро разросся и из него приказом командования Западно-Сибирской партизанской Красной Армии была сформирована 6-я Горно-Степная дивизия. Она громила остатки колчаковских войск на огромной территории приобской полосы от Ново-Николаевского уезда на севере до Алтайских гор на юге.

хипова: «Довожу до сведения армии и населения, что за намерение совершить насилие над двумя женщинами в с. Калманке преступник Евдоким Фефелов из села Большой Речки приговорен революционным полевым судом к смертной казни, что и было приведено в исполнение в 11 часов вечера 28 ноября 1919 года»*.

Это был крутой, но необходимый поворот в создании дисциплинированной, организованной партизанской армии, способной побеждать врага, несмотря на его вооруженное превосходство.

Партийцы и главком хорошо усвоили указания Центрального Комитета большевистской партии, В. И. Ленина: «Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся, — есть зацепка для побед Колчака...»**

Вслед за изданием приказов в подразделения частей и в села выезжали агитаторы-коммунисты для разъяснения важности обязательного выполнения этих приказов.

Все эти меры способствовали сплочению партизанских рядов, повышали чувство ответственности в боевой обстановке.

В связи с организацией при Облакоме*** агитотдела вся большевистская группа агитотдела Главного штаба была переключена на работу в Облаком. В эту группу входили Архипов, Ивкин, Конкорин, Кольцов, Семенихин и др.

Воззвания, обращения, лозунги и сводки исходили только от агитотдела. Непосредственными авторами многих зажигающих обращений, воззваний были Ф. И. Архипов и П. Х. Скиба. Политической работе было придано большевистское направление в армии и среди населения.

По предложению Архипова во всей партизанской армии был введен институт комиссаров, опыт работы которых положительно сказался еще в бытность Зиминского штаба. Облакомом была принята инструкция, опреде-

* Партархив Алтайского крайкома КПСС, ф. 1061, о. 1, д. 227.

** В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 515.

*** 9 сентября 1919 г. в Леняхах состоялся съезд Советов восставшей территории Алтайского округа. На съезде был избран Облаком — Областной исполнительный комитет, которому передавалась вся полнота гражданской и военной власти.

лившая права и обязанности комиссаров в политическом воспитании личного состава. На них возлагалась ответственность за политическое настроение полка и воспитание бойцов в духе преданности партии большевиков и Советской власти.

Партийцы Облакома и штаба понимали значение тыла, поэтому встали перед жизненной необходимостью создания большевистских организаций, ячеек непосредственно в селах.

Находясь в глубоком тылу Колчака, партийная организация Облакома не имела Устава и Программы РКП(б) и не смогла получить по этому поводу указаний ЦК и его Урало-Сибирского бюро. Коммунисты агитотдела Облакома Ф. И. Архипов и П. Х. Скиба взялись в этих условиях написать «Положение об организации большевистских организаций по селам», создание которых было необходимо для того, чтобы:

«1) Облегчить классовую борьбу, которая неизбежна при социальной революции;

2) Найти надежную опору среди крестьянства, организовать его в ячейки и, если оно (крестьянство), изможденное в борьбе, будет духом падать, то находить источник жизни в ячейках и при поддержке их в массах;

3) Проводить в жизнь самим и следить за Советами, чтобы они проводили точно, своевременно все декреты центральной Советской власти;

4) Следить за политическим настроением деревни и давать ему определенное русло;

5) Изыскать способы удовлетворения неимущего крестьянства продуктами первой необходимости.»*

Несмотря на некоторые недостатки выработанного «Положения», оно сыграло существенную роль в создании сельских партийных ячеек, внесло определенную четкость и организованность в их работе.

Всюду, поддерживаемые крестьянскими массами, партизанские полки одерживали победу за победой, и никакая сила уже не могла их остановить.

Алейские (зиминские) полки под руководством Ф. И. Архипова вели успешные бои между Алтайской железной дорогой и Обью. Они освобождали одно село

* «Борьба за власть Советов на Алтае», Барнаул, 1957, стр. 284—285.

за другим, разгромили в Чистюньке кулацкую дружину и подходили к Зимино.

«Смрадной чумой пронеслись здесь карательные отряды, — вспоминает Архипов. — Черные, обгорелые остовы домов и братские могилы хранили тела расстрелянных, повешенных и замученных».

Весть о подходе партизан молниеносно донеслась до Зимино. Все село, от мала до велика, пошло навстречу своим освободителям. С переполненным чувством радости была эта встреча.

...Митинг, посвященный освобождению Зимино и памяти павших борцов за свободу, открыл большевик Архипов. Он предоставляет слово зиминскому старожилу подпольщику И. И. Васюкову, который обращается к бойцам и присутствующим зиминцам с простой, по-крестьянски немногословной, но доходчивой речью:

— Товарищи! Братья! Из искры Зиминского восстания вспыхнуло пламя. Вся Сибирь, подхватив святое знамя революции, восстала против насильников трудового народа. Доведенные до отчаяния сибиряки ведут справедливую борьбу, и никакая сила уже не остановит восставших. С голыми руками, оборванные и голодные, но сильные духом, они, истекая кровью, бьются не на жизнь, а на смерть, срывая с себя мертвую петлю, накинутую колчаковскими ордами. И теперь тяжело раненый в Сибири зверь, извиваясь от последних ударов повстанцев, в смертных судорогах изливает свою злобу на невинном трудовом народе. Так сплотим же еще теснее наши ряды и отомстим за все пережитое, за горе матерей, за слезы детей, за унижение жен и сестер.

Оратор, подняв голову, гордо и клятвенно закончил свое выступление словами революционного гимна:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Мощный партизанский хор величественно подхватил бессмертные слова «Интернационала».

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

В партизанской войне рабочие и крестьяне Алтая нанесли серьезный урон Колчаку, а затем, влившись в Красную Армию, окончательно разгромили его полчища и тем самым ускорили установление Советской власти в Сибири.

В цепи всех звеньев партизанского движения видное место принадлежит Зиминскому восстанию, положившему начало массовому выступлению крестьян против ненавистного колчаковского режима и явившемуся «поворотным пунктом в истории вооруженной борьбы трудящихся Алтая»*. А поэтому его трудно отделить от всего партизанского движения Западной Сибири. Славным продолжением деятельности зиминской партийной организации являются боевые дела легендарной 6-й Горно-Степной дивизии, освободившей значительную часть Алтайской территории от колчаковских насильников.

Неоценимое значение Зиминского восстания состоит в том, что в период его подготовки и на протяжении всего хода восстания большевики показали образец политического руководства широкими массами в борьбе с колчаковщиной. Отсюда — его замечательный успех.

Неся живое большевистское слово правды, зиминские коммунисты смогли разжечь у тысяч крестьян освободительные идеи и патриотические чувства, зажженные великим Октябрем. Огромную роль в этом сыграла постоянная связь с Барнаульским комитетом РКП(б), помогавшим зиминцам правильно ориентироваться в самой сложной обстановке и вести за собой массы.

Зиминское восстание, на всем протяжении проходившее под ясными политическими лозунгами свержения колчаковской диктатуры и восстановления власти Советов, дезорганизовало тыл Колчака в самой густо населенной и плодородной части Алтая. Зиминские повстанцы мешали снабжению колчаковской армии людскими и пищевыми ресурсами. Перехватив важные узлы коммуникаций Барнаул—Бийск по Оби и Барнаул—Семипалатинск по железной дороге, они нарушили координацию действий между основными и южными силами противника. Этим восставшие отвлекли на себя огромное количество войск, чем, безусловно, облегчили положение Красной Армии на Восточном фронте.

* «Борьба за власть Советов на Алтае», Барнаул, 1957, стр. 261.

В руководстве восстанием выявились талантливые военачальники и политработники Ф. И. Архипов, Г. С. Ивкин, П. К. Чаузов, К. Н. Брусенцев, Р. П. Захаров, В. Е. Кузьмин и многие другие, впоследствии активно работавшие в партийной организации партизанской армии. Они много сделали для усиления влияния большевиков в руководстве партизанским движением.

* * *

Прошло 40 лет с того дня, когда последние остатки колчаковцев были выброшены с территории Алтая. Незнаваемо изменились за эти годы деревни и села, по которым проходили когда-то голодные и оборванные, но сильные революционным духом партизаны, завоевавшие нам право пользоваться «всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»*.

В центре Зимино — небольшой памятник на братской могиле павших в годы гражданской войны партизан. У подножия памятника на темной пластине бронзовыми простыми и строгими буквами выписано:

*«Слава павшим борцам
в борьбе за Советскую власть».*

В памяти нашей навечно останутся героические подвиги тех, кто, не жалея жизни, стойко боролся за великое дело освобождения трудящихся от гнета эксплуатации, нищеты и бесправия, за истинное счастье простых людей.

* В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 292.

Буторин Анатолий Михайлович

ЗИМИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Редактор *В. Попов*

Художественный редактор *П. Кершнер*

Технический редактор *Г. Жданова*

Корректоры *Ф. Стефанская, М. Штремлева*

Сдано в набор 11. III. 1960 г. Подписано

к печати 19. IV. 1960 г. Формат 84×108¹/₃₂—

1,37=2,24 усл. п. л. (2,25 уч.-изд. л.).

Тираж 3000 экз. Заказ № 659. АГ 11069

Цена 50 к.

Алтайское книжное издательство,

Барнаул, Максима Горького, 39.

Типография № 1 Полиграфиздата,

Барнаул, Льва Толстого, 29.

50 коп.

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

